

Ван Цинянь подчинился и стал готовиться, одновременно советуясь с Линь Вэнем и Линь Цзином — всё-таки в этот раз в обратный путь с посольством должна отправиться принцесса весьма высокого статуса, — когда вдруг услышал слова Фань Сяня:

— Ван Цинянь, разберись с заранее подготовленными по дороге на юг лошадьми, чтобы не оставлять следов. Не нужно создавать лишние проблемы тем крестьянам.

Янь Бинъюнь не участвовал в построении самых прежних планов, поэтому не очень понял эти слова.

Ван Цинянь взглянул на Фань Сяня. Тот махнул рукой, и Ван Цинянь распахнул дверь и вышел. Янь Бинъюнь приподнял бровь.

Три человека выполнили три действия — каждое со своим скрытым смыслом. Фань Сянь рассмеялся и сказал:

— Передо мной-то можешь не терпеть.

Янь Бинъюнь не улыбнулся, лишь немного замедленно поднял стоящую перед ним чашку чая и сделал глоток, а затем с толикой почтения, положенного подчинённому, произнёс:

— Раз господин преемник не считает, что мне нужно это знать, то, пусть мне и любопытно, я не буду задавать вопросы.

Фань Сянь долго не думал и ответил сразу:

— Это лишь первоначальный план, и, раз он уже не пригодится, после него нужно как следует прибраться за собой. — И далее он объяснил всё Янь Бинъюню в очень простых словах: в начале весны Фань Сянь отыскал в столице Цин молодого служащего Контрольной палаты, немного похожего на него самого, и с тех пор скрывал его от чужих глаз.

Согласно первоначальному плану, этот двойник должен был играть свою роль на обратном пути из Северной Ци домой, следуя с посольством под видом Фань Сяня и прикрывая настоящего Фань Сяня, который останется в столице и будет заниматься тем, чем требовалось.

— Вы с самого начала планировали остаться в столице Ци? — Янь Бинъюнь нахмурился. — Чем вы собирались заниматься?

Фань Сянь взглянул на него и ответил:

— Чэнь Пинпин хотел, чтобы Сяо Энэ умер, поэтому я собирался остаться в столице и убить его, а затем догнать посольство на границе. Иначе после смерти Сяо Энэ народ Северной Ци

резко отвернётся от нас и перережет всех посланников.

Янь Бинъюнь спросил:

— А те сменные лошади, о которых вы говорили с господином Ваном?

С улыбкой Фань Сянь пояснил:

— Перед тем как посольство выехало из столицы Цин, я попросил нескольких служащих из Палаты и из внутренней сокровищницы помочь нам, устроив хороших коней вдоль дороги на юг. Разумеется, все эти кони тайно содержатся на охраняемых конюшнях и, скорее всего, не насторожат чиновников Северной Ци.

— Вы собирались, убив Сяо Эня, как можно скорее бежать к границе, меняя лошадей? — Уголки губ Янь Бинъюня чуть язвительно изогнулись.

— Одиноким путник, едущий издалека, какие тут могут быть вопросы?

Янь Бинъюнь ответил со вздохом:

— Это реальный мир, а не роман. Если бы вы, действуя по первоначальному плану, убили Сяо Эня, Северная Ци тут же заперла бы городские ворота, и все войска бы уже перекрыли южную дорогу. Как бы вы в одиночку смогли вернуться на юг?

Фань Сянь рассмеялся.

— Когда-то Чэнь Пинпин смог прорваться на юг с большим отрядом, как я один могу не справиться?

— Возможно, за счёт дерзости вы бы справились, но этот план всё же неразумен. — Янь Бинъюнь покачал головой. — Вы, господин, всё же преемник главы Палаты, вам следует беречь свою жизнь. К тому же даже если бы после нашего отъезда Северная Ци ослабила бдительность, вы всё равно не смогли бы, согласно плану, убить Сяо Эня в столице, полной притаившихся драконов и подкрадывающихся тигров.

Фань Сянь, разумеется, не стал бы рассказывать этому ледяному истукану о тяжёлой снайперской винтовке. Всё же дядя У Чжу исчез, и с ним исчез сундук, старшая принцесса заключила союз с Шаншань Ху, и малыш Сяньсянь может, как хитрый рыбак, поймавший и цаплю, и устрицу, получить выгоду. Обстоятельства постоянно менялись, и план уже стал тем, каков есть сейчас.

Настало завтрашнее завтра, то есть послезавтра. Впрочем, всё это пустословие.

На берегу протекающей через столицу прекрасной реки Юйцюаньхэ росли купы деревьев, время от времени вспархивали возвращающиеся на север белые цапли. Здесь уже было верхнее течение реки, близко находился императорский дворец, а потому установка рыболовных сетей была строго запрещена: простые жители столицы никак не могли ступать по этой гравийной дорожке. Фань Сянь плечом к плечу с Хайтан шёл вдоль берега реки, равнодушно болтая о всякой ерунде и не чувствуя себя подавленно: мрачное настроение нескольких последних дней в компании деревенской девушки заметно улучшилось.

Странно сказать: барышня Хайтан не уродилась особенной красавицей, манеры её были не то чтобы изящными, характер был совершенно деревенским, и тем не менее это ощущение Фань Сяня несколько раскрепощало.

Пустая беседа быстро закончилась, и разговор резко свернул к реальному вопросу. Хайтан чуть нахмурилась и спросила:

— Вдовствующая императрица никак не уступает. Всё-таки можете вы придумать какой-то способ?

Вздыхнув, Фань Сянь ответил:

— Ваш император хочет жениться и отчего-то нуждается в моей помощи. — Он вдруг посмотрел на Хайтан, к спокойствию в его взгляде примешивалась толика неудовольствия. — Раз вы подруга Сы Лили, то определённо должны кое о чём знать. Неужто вы считаете, что просить меня о помощи не доставит ей неудобства?

Хайтан сунула обе руки в карманы и пошаркала по светлым камням, устилавшим берег реки, спокойно глядя вперёд, на обвисшие ивы.

— Если бы вы могли сделать то, чего хотела Сы Лили, она не приехала бы в столицу. А раз вы человек бесчувственный, так зачем это притворство? Получается, вы тоже хотели увидеть, как она войдёт во дворец, — всё-таки после этого, даже когда вы будете на юге, во дворце Северной Ци у вас будет, с кем вести душевные беседы.

Фань Сянь никак не ожидал, что она сможет так исчерпывающе описать это дело, не дав ему ни малейшей возможности что-то скрыть. Его сердце сжалось и затрепетало, казалось, словно с него разом сдёрнули все тонкие летние одеяния, обнажив эгоистичное и бесчувственное нутро. Лишь после долгого молчания он смог горько улыбнуться и ответить:

— Я всего лишь подданный, у меня нет таких сил, чтобы изменить всё.

— Значит, вы только что признали, что так оно и есть, — тон Хайтан вовсе не был угрожающим,

однако её чистосердечие невольно угнетало. — Раз так, к чему лишние слова?

Фань Сянь покачал головой.

— Войдешь во дворец — и состаришься от тоски. Вы с Сы Лили сёстры, как вы потерпите, чтобы она вошла во дворец?

— Император — неплохой парень. — Хайтан улыбнулась. — А Лили всё же из Южной Цин, и, если она хочет жить в нашей столице, наверное, только императорский дворец может защитить её от невзгод.

Внезапно Хайтан повернула голову, и Фань Сянь заметил, что её взгляд блестит ярче, чем блики на воде. За свою жизнь Фань Сянь самые сияющие глаза видел у Е Лин'эр и у Хайтан, причём если у Е Лин'эр они светились наивностью, то у Хайтан показывали проницательность и бесстрашие от полного понимания этого мира.

— Господин Фань, неужели вас не утомляет такая жизнь, полная коварных замыслов и расчётов?

Фань Сянь слегка опустил голову, через мгновение решительно поднял её и заложил руки за спину. Не двигая верхней частью тела и еле-еле шевеля нижней, он, как Хайтан, вразвалочку пошёл по речному берегу, усыпанному светлыми камнями. Вдруг он заговорил:

— В этом мире не все могут наслаждаться свободой, как вы, ведь у каждого из нас имеются собственные, несхожие цели. Возможно, вы просто желаете сажать вкусные овощи и возделывать свой кусок земли, но я должен думать о себе и о близких мне людях, думать о настоящем и о будущем.

Сказав это, он вынул из-за пазухи письмо и вручил Хайтан со словами:

— Я не какой-то великий мудрец, в лучшем случае я слегка одарён. Посмотрите, можно ли использовать такие методы.

Хайтан открыла конверт и внимательно прочитала письмо в утреннем свете. После долгого молчания она глубоко вздохнула, её ясные глаза уставились на Фань Сяня, и в этом взгляде было что-то странное.

— Поверит ли этому вдовствующая императрица?

— Если вдовствующая императрица не хочет из-за этого поссориться с императором, тогда ей

не хватает лишь благовидного предлога, чтобы согласиться и не потерять лицо. Неважно, поверит ли она в это, обе этих затей могут оказаться достаточно убедительными.

Представленный Фань Сянем план на самом деле был очень прост. Он хорошо помнил тот эпизод из истории прошлого мира, где Ханьского У-ди соблазнила госпожа Гоу Гэ.

В то время У-ди объезжал междуречье, как вдруг гадалщик заявил, что над этой землёй появились благовещие облака, указывающие на то, что здесь должна была родиться и расти удивительная женщина. Услышав это, У-ди немедленно приказал обыскать местность и действительно нашёл очаровательную девушку.

Однако, хотя она была прекрасна, она с детства страдала от болезней и мало ела. К тому же её руки были крепко сжаты в кулаки, и никто не мог заставить её раскрыть их. У-ди настолько восторгался её красотой, что сам попытался разогнуть её кулак. Тогда и случилось чудо: её руки очень легко обрели прежнее здоровье и, что ещё более странно, в правом кулаке оказался крепко зажат маленький нефритовый крючок.

Ханьский У-ди необыкновенно воодушевился, немедленно ввёл её во дворец и назвал «госпожа Цюань*». Это и была будущая госпожа Гоу Гэ.

— Кто этот император, о котором вы рассказали? — спросила Хайтан.

Фань Сянь рассмеялся.

— Я сам сочинил эту историю. — Помолчав, он добавил: — Хотя сюжет нереален, Ханьский У-ди вовсе не дурак: наверняка этот эпизод он сам и выдумал.

Хайтан казалась немного наивной в вопросах отношений между мужчинами и женщинами. В нерешительности она спросила:

— Тогда что нам делать?

Фань Сянь раздражённо покачал головой и напомнил:

— Кто вы?

Хайтан непроизвольно замолчала, и Фань Сянь дёрнулся, подумав, не станет же эта девушка, желающая постигнуть путь единства человека и природы, заводить его в дебри философских вопросов, верно? Он торопливо откашлялся и сказал:

— Вы ученица Ку Хэ, а господин Ку Хэ — наставник императора. Если Ку Хэ скажет, что на западе столицы появились благоприятные облака, а под облаками есть удивительная женщина, это, конечно, сильно добавит убедительности.

Хайтан криво улыбнулась и спросила:

— Как же может учитель вместе со мной затевать скандал?

Фань Сянь мысленно фыркнул, думая, что её учитель способен даже есть человеческое мясо. Он всегда сильнее всех любил её, маленькую ученицу, и вместе с ней поднять шум не будет для него чем-то чрезмерным.

Затем Хайтан заметила:

— Однако... положение Лили известно всей столичной знати, его никак не удастся скрыть.

Фань Сянь улыбнулся.

— Сначала отправьте барышню Сы на несколько месяцев в храм Ци. Лучше всего, чтобы она ушла от мира.

— Что значит «уйти от мира»?

— Всем сердцем служить Священному храму и не думать о браке.

— А потом?

— Когда поутихнет, нужно прибегнуть к хитрости и перевезти её во дворец. И всё, сделанного не воротишь, они будут поставлены перед фактом.

— Это получится?

— В письме есть некоторые подробности, обратите внимание. Конечно, если бы вы смогли убедить императорского наставника принять барышню Сы в ученицы, было бы ещё лучше.

— Господин Фань, ваши предложения выглядят смехотворными, но при детальном рассмотрении они действительно в какой-то мере осуществимы. — Хайтан чуть-чуть поклонилась, благодаря Фань Сяня.

Фань Сянь невольно улыбнулся. Это же обобщение успешного опыта двух красавиц из предыдущей жизни, У Цзэтянь и Ян Гуйфэй, — естественно, он осуществим, конечно,

осуществим. Но его мысли по-прежнему занимал большой вопрос: почему императору обязательно нужно, чтобы Сы Лили вошла во дворец? Почему вдовствующая императрица никак не позволяет Сы Лили войти во дворец? Хайтан наверняка знает этот секрет, но она точно не расскажет его чиновнику из чужой страны.

Внезапно Фань Сяня озарило, и он подумал об облике молодого императора, которого он видел несколько раз, посещая дворец. У него невольно зародилась чрезвычайно абсурдная и чрезвычайно смелая идея.

* Цюань (拳) — кулак

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3924169>